

Если... отнять у человека сродное действие, тогда ему смертная мука. Гнусны тогда кажутся соседи, постылы разговоры, хулит человек народ свой и своей страны обычаи, ропщет на Бога.

Григорий Сковорода

Две природы человека

ОТКУДА РАСТУТ КОРНИ СЧАСТЬЯ?

ДМИТРИЙ ШАБАНОВ

Проблема счастья не заслужила статуса серьезной научной или философской темы, хотя, вероятно, важна для каждого из нас. Кто не хочет быть счастливым? У всех ли это получается? Серьезнее других относятся к проблеме изучения счастья американцы, ведь именно в конституции США заложено право каждого человека на стремление к счастью.

Вот, скажем, гарвардский профессор психологии Даниэль Гилберт (Daniel Gilbert) опубликовал книгу «Спотыкаясь о счастье» («Stumbling on Happiness: Think You Know What Makes You Happy»), где подводит итог семидесятилетней программы изучения уровня счастья американских граждан. Эта книга широко цитируется СМИ, и из нее можно почерпнуть немало мудрых мыслей.

Мы можем узнать, что состоятельные люди счастливее бедных, а образованные — счастливее богатых. Переход из бедности в средний класс сопровождается ростом счастья, а дальнейшее увеличение количества денег уже не делает человека счастливее...

Увы, социологические исследования не всегда позволяют определить, что является причиной, а что следствием. Образованные и обеспеченные более счастливы как раз из-за того, что они образованные и обеспеченные, или же более счастливые лучше приспособливаются к обществу и потому добиваются больших успехов? Те, у кого много

друзей, счастливее тех, у кого их нет. А может, более счастливые люди попросту более привлекательны и открыты для дружбы?

А одинаково ли счастье американца и россиянина? «Что русскому здорово...» Всероссийский опрос ВЦИОМ позволил установить, что 22% граждан России «определенно счастливы», а 55% «скорее счастливы». Много это или мало? Можно ли сравнить эти цифры с аналогичными цифрами для других стран?

Не отвергая социологический подход к изучению счастья, я хочу подойти к этому вопросу с другой стороны. Мне кажется, что поймать ускользающее решение проблемы счастья невозможно, не вспомнив о двойственности нашей собственной природы. Для дальнейшего обсуждения мне придется, без подробного разъяснения и обоснования, высказать несколько мыслей. Это попытка описать логику, вследствие которой мы стали самими собой.

Живые системы, которые соответствуют своему характеру отношений с меняющей-

ся средой, называются приспособленными. В соревновании друг с другом выигрывали те группы организмов, которые быстрее вырабатывали приспособления. Происходила не только эволюция организмов, но и «эволюция эволюции» — совершенствование механизмов выработки приспособлений. К примеру, именно ускорение выработки приспособлений — предназначение полового размножения.

Если организм выжил и оставил потомство, значит, он приспособлен, то есть соответствует среде. Отобранные средой особи передают следующим поколениям информацию о своих особенностях по нескольким каналам. Вероятно, главным по количеству передаваемой информации для большинства организмов является генетический канал. Во времена споров «вейсманистов-морганистов» с «лысенковцами» первые утверждали, что приобретенные признаки не наследуются, то есть в организмах отсутствует канал корректировки генетической программы по итогам ее реализации в конкретных условиях. На то время это

было вполне научное предположение (в отличие от диаматовских фантазий Лысенко и иже с ним). Теперь такие корректировочные каналы обнаружены. Они связаны с различными механизмами так называемого эпигенетического наследования — увы, до сих пор недостаточно изученного. Эти каналы слабее генетического, потому-то «вейсманисты-морганисты» их и проглядели. Понятно, почему такие каналы образовывались — они ускоряют эволюцию.

Итак, в эволюции не раз возникали механизмы наследования приобретенных признаков. Но самым эффективным из них оказался тот, на который «сделали ставку» ближайшие предки нашего вида. Это культурное наследование, то есть передача определенных форм поведения благодаря обучению. Его предпосылки — сложная нервная система, относительная неполнота жестких поведенческих программ, а также образ жизни, включающий тесное взаимодействие разных особей (чаще всего — родителей и потомков). У нашего вида культурный канал передачи информации по пропускной способности оказался гораздо эффективнее генетического. Наша эволюционная ветвь, где организмы получили возможность передавать друг другу сложные программы совместных действий, заняла лидирующие позиции в экосистемах.

Социальная структура человеческих популяций обеспечила исключительную эффективность обучения и изменила нас самих. То, что мы называем «собой», не столько наши тела, сколько психические структуры, развившиеся благодаря нашему взаимодействию. Это сознание (совокупность связанных высших психических процессов), а также «я»-структура (рефлексирующая часть сознания) и личность (часть психики, обращенная к другим людям).

Итак, человек — существо с двумя природами. Наша первая, биологическая природа, поддерживаемая генетическими и другими биологическими механизмами наследования, состоит из тела и биологической основы психики. Тело эволюционировало больше трех миллиардов лет, животная психика — несколько сот миллионов лет. Наша вторая, культурная природа возникает вследствие межчеловеческого взаимодействия и поддерживается обучением. Ее механизмы — сознание, «я», личность — эволюционно очень молоды. Их возраст — десятки или сотни тысяч лет.

В какой-то степени наша биологическая природа может быть уподоблена «харду» — она создает структуры, обеспечивающие наше существование. «Софт», наша культурная природа, может опираться только на процессы, которые допускает «хард». Впрочем, эта аналогия неполна, ведь наш

«хард» непрерывно перестраивается под руководством «софта». Сравните спортсмена, скрипача, модель-анорексичку, наркомана и обжору-гедониста! Какие из их особенностей — следствие генетической предрасположенности (части первой природы), а какие — отпечаток усвоенных программ и сознательного выбора (компонентов второй природы)? Переплетаясь, две наши части формируют нечто взаимообусловленное, отнюдь не целостное.

После всего сказанного можно сформулировать главную мысль этого текста. Ощущение счастья — функция нашей первой, биологической природы и возможно лишь тогда, когда вторая, культурная природа действует в согласии с ней.

То, что счастье порождается не второй природой, кажется, ясно. Ликующие толпы, шагающие мимо трибуны, где стоят диктаторы, вряд ли счастливы по-настоящему. Счастье не результат достижения какого-то социального результата или уровня, а иррациональное следствие его восприятия. Велико ли влияние на него рассудочных аргументов?

А можно ли объяснить, что такое счастье, на уровне нашей первой, биологической природы? Это уже сделано. Здесь не место пересказывать конкретные результаты, но современной науке уже понятно, с какими структурами нашего мозга связано переживание счастья. Опускаясь на клеточный

общению, поддержку своих близких, родительскую заботу и даже готовность к самопожертвованию ради других.

Как удачно, что появление детей не требует нашего сознательного решения! Два человека ловят то счастье, которое дарит им их биологическая сущность. Несущая опыт миллиардолетнего совершенствования, первая природа толкает нас на действия, трудно объяснимые с точки зрения здравого смысла второй природы («господи, опять эти нелепые телодвижения...»). А затем в женщине происходят удивительные изменения. Они несут с собой неприятные ощущения, предвещают бессонные ночи и бесконечные хлопоты... Откуда же ощущение счастья, которое испытывает чуткая к себе самой женщина?

Вот появляется требовательное, эгоистичное, временами удивительно неразумное существо. Господин Гилберт из Гарварда установил, что появление детей делает их родителей (американцев) менее счастливыми. Спорить с социологией и статистикой бесполезно, но я точно знаю, что измученный «спиногрызом» родитель может быть счастлив совершенно иррациональным счастьем.

Биологическая природа, однако, работает во всех нас, так почему же одни счастливы, а другие — нет? Понятно, почему несчастен голодный и больной. Понятно, почему несчастен исторгнутый обществом — социальные контакты в нашей линии эволюции приобре-

ИЗМУЧЕННЫЙ «СПИНОГРЫЗОМ» РОДИТЕЛЬ ТОЖЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВ

и молекулярный уровень, мы установили, какие вещества делают нас счастливыми. Мы можем исследовать синтез предшественника эндорфинов гипофизом, а затем и образование самих эндорфинов — гормонов «счастья». Приведу лишь один многозначительный факт. Эндорфины и опиаты связываются одними и теми же рецепторами нервных клеток, и наркоманы попросту пересаживаются с внутреннего источника счастья на внешний...

Переживаемое нашим сознанием ощущение любви, творчества, физического удовольствия, удовлетворения от выполненной задачи на уровне первой природы предстает в виде синтеза специфических молекул, их передачи и взаимодействия с рецепторами... Не губит ли такой подход ценность переживаний, о которых я говорю? Нет. Счастье губит попытка оторвать его от корней, сделать его независимым от нашей первой природы.

Не думайте, что согласие с первой природой — это лишь удовлетворение «низменных» мотиваций. Наша биологическая сущность значительно богаче. Наблюдая за ее проявлениями у наших ближайших родственников, мы можем увидеть в ней тягу к

ли исключительную важность уже несколько десятков миллионов лет назад. Но несчастным будет и тот, кто подавляет в себе свою первую природу ради каких-то идеологем. Тот, кто решит, что его биологическая сущность «грязна», или тот, кто откажется от выстраивания отношений с окружающими, потому что они плохи, накажет сам себя.

Согласившись с высказанным предположением, мы сделаем осмысленным целый ряд вопросов. Какие социальные роли соответствуют нашей биологической природе, а какие — нет? Всякое ли творчество приносит ощущение счастья? При каких условиях счастье от биологически predetermined заботы о близких оказывается для нас важнее счастья от заботы о себе? Чем отличается жертвование собой ради других, которого требуют от нас различные идеологии, от альтруистического поведения, свойственного нашей первой природе?

В силу двойственности своей природы мы диссоциированы, состоим из двух переплетенных, но раздельных частей. Механизм счастья коренится в нашей первой природе, а зависит от работы второй. Счастлив тот, кто их согласует... ■